

Диана фон Фюрстенберг

Женщина, которой я хотела стать

Diana von Fürstenberg

ОДРИ

Диана фон Фюрстенберг Женщина, которой я хотела стать Серия «Мода. TRUESTORY»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69923593

Женщина, которой я хотела стать: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-195410-9

Аннотация

Автобиография дизайнера Дианы фон Фюрстенберг теперь в электронном формате!

Автор культового платья с запахом рассказывает не только о пути в фешен и создании глобального бренда, но и о личных драмах: браке с австрийским принцем, борьбе с раком, обретении настоящей любви после 50 и о том, как желание жить жизнью мечты помогает преодолеть тяжелые испытания и не бояться.

«Ответственность за твою жизнь лежит только на тебе», — повторяла Диане мать, которая чудом выжила в концлагере, но никогда не считала себя жертвой. Читайте откровенную историю женщины, полагавшейся только на себя, чтобы:

[ul]Узнать, почему быть независимой важнее богатства и титулов.

Заглянуть за кулисы модной индустрии.

Вдохновиться трогательным повествованием о любви к семье.

Понять, что на самом деле дает детям сильный материнский пример.[/ul]

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Благодарности	7
Введение	8
Женщина, которой я стала	10
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Диана фон Фюрстенберг

Женщина, которой я хотела стать

*Посвящается Александру, Татьяне, Талите,
Антонии, Тассило и Леону. Я всегда буду вас
защищать.*

И Барри, который защищает всех нас.

Если хочешь быть любимым, люби!
Сенека

Diane Von Furstenberg
THE WOMAN I WANTED TO BE

Copyright © 2014, Diane Von Furstenberg
All rights reserved

В оформлении обложки использована фотография:
© Hans Dorsinville, Peter Lindbergh

Во внутреннем оформлении использованы фото и иллюстрации: Albert Watson, Antonio Lopez, Chris van Wangenheim, DVF archive, Francois Marie Banier, Fredrik Nilsen, Getty Images, Ruben Toledo, Thomas Whiteside

Научный редактор – историк моды *Наталья Толкунова*

© Акумова А.Д., текст, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Благодарности

Я хочу поблагодарить всех тех, кто помог воплотить этот проект в жизнь.

Линду Бёрд Франке за ее терпение и самоотдачу, с которой она собрала воедино мои воспоминания и создала структуру этой книги, а также за ее дружбу на протяжении последних пяти десятилетий.

Женевьеву Эрнст за многократные совместные вычитки и коррективы, а также за то, что она вытерпела меня и постоянные внесения изменений.

Без вас двоих я бы ни за что не справилась.

Элис Мэйхью за ее масштабные знания и поддержку и Эндрю Вайли за то, что он самый лучший агент на свете. Франку Дантес за невероятное мастерство в работе с архивами, Питера Линдберга за фотографию для обложки и Тару Ромео за помощь в создании ее дизайна. Лизу Уотсон за то, что она смогла расшифровать мою сумбурную речь, Джонатана Кокса за то, что он выстроил содержание всех глав, и Лиз Макдэниэл за помощь с суперобложкой.

Введение

В детстве во время подготовки к экзаменам я притворялась, будто занимаюсь с воображаемыми учениками, – таким образом я усваивала материал.

Жить – значит учиться, и сейчас, глядя на свой жизненный опыт, я чувствую готовность поделиться некоторыми уроками, которые я усвоила на своем пути.

А еще жить – значит стареть. Плюс старения в том, что у тебя есть прошлое, своя история. Если ты доволен своим прошлым и не отрекаешься от пережитого, то знаешь, что прожил полную жизнь и чему-то научился.

Это то, что позволило мне стать той женщиной, которой я являюсь сейчас.

Когда я была маленькой, я не знала, чем хочу заниматься в будущем, но понимала, какой женщиной хочу стать. Я хотела быть верной себе, независимой и свободной. И я знала, что свобода достижима, только если я возьму полную ответственность за себя и свои поступки, буду поистине честной и стану лучшим другом самой себе.

В жизни не всегда все идет гладко. Меняется обстановка, люди приходят и уходят, появляются преграды на пути к намеченным целям, но одно остается неизменным – у тебя всегда есть ты сам.

Я разделила эту книгу на главы о том, что меня всегда

вдохновляло и продолжает давать мне силы сейчас: семья, любовь, красота и мир моды. Но я не могу не отметить одного человека, который повлиял на мою жизнь сильнее всего и сделал из меня женщину, которой я хотела стать. Моя мать. С нее и начнется эта книга воспоминаний.

Женщина, которой я стала

1

Истоки

В спальне моей нью-йоркской квартиры на книжной полке стоит большая рамка. В ней – страница, вырванная из немецкого журнала 1952 года, на которой напечатана фотография элегантно одетой женщины и ее маленькой дочки, ожидающих Восточный экспресс на железнодорожной станции швейцарского города Базель. Девочка укутана широкими полами маминого пальто и ест бриошь. Мне было пять лет, и этот снимок стал моим первым фото, которое попало на страницы журнала. Эту трогательную картину мне подарила тетя Джульетта, старшая сестра моей мамы, еще во время моего первого замужества. Правда, важность ее я осознала только сейчас.

На первый взгляд может показаться, что на снимке запечатлена роскошная, судя по всему состоятельная женщина со своей маленькой кудрявой дочкой, которая отправляется на горнолыжный курорт. Женщина не смотрит в камеру, но по еле заметной улыбке можно догадаться, что она знает, что ее снимают. По ее элегантному виду ни за что не скажешь,

что всего несколько лет назад она, изможденная и полумертвая от голода – кожа да кости, – стояла на железнодорожной станции другого немецкоговорящего города, возвращаясь из нацистского концлагеря, в котором провела узницей 13 месяцев.

Что она чувствовала, когда фотограф спросил, как ее зовут, чтобы указать имя в журнале? Думаю, гордость за то, что кто-то подметил изящество ее стиля. Прошло всего семь лет. Она больше не была номером. У нее было имя, теплые, чистые, красивые вещи и главное – эта маленькая и здоровая девочка, ее дочь. «Господь сохранил мне жизнь, чтобы я могла подарить жизнь тебе, – писала она мне в каждый Новый год на мой день рождения, – дав тебе жизнь, я вернула и свою. Ты мой факел, мое знамя свободы».

Мой голос дрожит всякий раз, когда я рассказываю о маме во время своих публичных выступлений, а я говорю о ней всегда, потому что знаю, что их бы и не было, не будь Лилиан Нахмиас моей матерью. Иногда мне становится не по себе оттого, что я постоянно вспоминаю ее, но я просто не могу иначе, ведь это объясняет то, каким ребенком я была и какой женщиной стала.

Я хочу рассказать вам об одной молодой девушке, которая в 22 года весила всего 27 килограммов, что едва ли не составляло вес ее костей, – начинаю я свой рассказ во время семинара о женском здоровье в Гарварде. – Такой вес – следствие

тринадцать месяцев, проведенных в лагерях смерти Аушвиц и Равенсбрюк. То, что ей удалось выжить, – настоящее чудо. После освобождения ее отправили домой в Бельгию, где мама кормила ее по чуть-чуть, как птичку: каждые 15 минут она давала ей немного еды, потом еще немного, как будто она была воздушным шариком, который надо надувать медленно, чтобы тот не лопнул. Через пару месяцев ее вес приблизился к норме.

Когда мой рассказ подходит к этому месту, в зале всегда начинают перешептываться. Возможно, потому, что он звучит шокирующе или неожиданно, а может, потому, что для молодежи, которая знает об Аушвице только в общих чертах, я будто ожившая легенда. Думаю, им сложно представить, что у этой энергичной здоровой женщины, которая выступает перед ними, могла быть мать весом всего 27 килограммов.

«Господь сохранил мне жизнь, чтобы я могла подарить жизнь тебе». Эти ее слова отзываются во мне каждый день, и я считаю своим долгом воспевать свободу и жить полной жизнью, чтобы искупить все те страдания, что она пережила. Мое рождение было ее триумфом. Она не должна была выжить, а я не должна была родиться. Мы доказали, что это не так. В день, когда я родилась, мы обе победили.

Я не устаю повторять некоторые из маминых наставлений, которые служили мне поддержкой: «Страх – это не выход», «Вместо того чтобы заикливаться на плохом, замечай хорошее и двигайся в этом направлении», «Когда закрывается

какая-то дверь, ищи ту, что можно открыть», «Никогда не вини других в том, что выпадает на твою долю, как бы ужасна она ни была. Ответственность за твою жизнь лежит только на тебе». Все это она знала не понаслышке. И несмотря на ужас, который ей пришлось пережить, она никогда не хотела, чтобы другие считали ее жертвой.

Раньше у меня не было привычки так часто говорить о своей матери. Как и все другие дети по отношению к своим родителям, я воспринимала ее как должное. Только в 2000 году, уже после ее смерти, я по-настоящему осознала, как сильно она повлияла на меня и сколь многим я ей обязана. Как и любой ребенок, я не особо вникала в ее слова. «Да-да, ты мне это уже говорила», – обычно отвечала я, чтобы отделаться от нее, а иногда вообще притворялась, что не слышала. А еще я вспыхивала, когда она давала непрошенные советы моим друзьям. По правде говоря, меня это раздражало. Сейчас, конечно, мне кажется, что я уже сама пожила достаточно, чтобы заслужить право раздавать собственные, и теперь я повторяю ее слова своим детям, внукам и всем, с кем общаюсь. Я превратилась в свою маму.

В Брюсселе, когда я была еще совсем ребенком, я не понимала, почему у моей мамы на левой руке в два ряда были татуированы голубым цветом числа. Я помню, мне казалось, что это какое-то украшение, и мне хотелось, чтобы и у меня

оно было, чтобы мои руки не выглядели такими обычными. Я не понимала, почему наша домработница часто просила меня не беспокоить маму, когда она шла прилечь к себе в спальню. Я инстинктивно знала, что маме нужен был отдых, и ходила по дому на цыпочках, чтобы не потревожить ее.

Иногда я не обращала внимания на указания домработницы и, собрав свои любимые книжки с картинками, проскальзывала в ее темную комнату, надеясь, что она улыбнется и станет мне читать. Чаще всего она так и делала. Она любила книги и учила меня бережному отношению к ним. Она читала мне эти книжечки с картинками столько раз, что я выучила их наизусть. Одним из моих любимых занятий было делать вид, что я сама читаю их, осторожно переворачивая страницы в нужный момент и гордо демонстрируя, будто я умею читать.

Моя мать была очень строгой. У меня никогда не было сомнений в том, что она меня любит, но когда я говорила что-то, чего она не одобряла, или когда мне не удавалось соответствовать ее ожиданиям, она могла сурово глянуть или ущипнуть меня. Меня ставили в угол, лицом к стене. Иногда я шла и вставала туда сама, зная, что провинилась. Она проводила со мной много времени, иногда мы играли, но в основном она обучала меня всему, что только приходило ей в голову. Она читала мне сказки и поддразнивала меня, когда мне становилось страшно. Я помню, ее забавляло рассказывать мне историю о том, что в детстве меня бросили и она

нашла меня в мусоре. Я плакала до тех пор, пока она не брала меня на руки, чтобы утешить. Она хотела, чтобы я была сильной и не боялась. Она была очень требовательной. Еще до того, как я научилась читать, она велела мне выучить и рассказывать по памяти басни Лафонтена семнадцатого века. Как только я стала достаточно взрослой, она заставляла меня писать рассказы и письма без единой орфографической или грамматической ошибки. Я помню, как я была горда собой, когда она меня хвалила.

Чтобы я научилась преодолевать застенчивость, она заставляла меня произносить речь всякий раз, когда семья собиралась вместе, таким образом воспитывая во мне привычку выступать на публике, какой бы она ни была. Как и многие дети, я боялась темноты, но, как немногие матери, она запирала меня в темном шкафу и ждала снаружи, чтобы я сама поняла, что бояться нечего. Это был один из тех случаев, когда она говорила: «Страх – это не выход».

Моя мать не считала нужным особо нянчиться с детьми и пытаться защитить их от всего на свете. Она хотела, чтобы я была независимой и несла за себя ответственность. Мои самые ранние воспоминания – о том, как во время путешествия с родителями они оставили меня одну в номере отеля, а сами пошли на ужин. Я была не против, и мне совсем не было одиноко. Я ужасно гордилась тем, что они доверяли мне настолько, что оставили одну. Мне нравилось развлекать себя и чувствовать себя взрослой. До сих пор во мне просы-

пается это чувство и ощущение свободы, когда я заселяюсь в номер отеля одна.

Когда родители позволяли мне пойти в ресторан вместе с ними, мама часто настаивала, чтобы я встала и прошла по залу, а иногда даже чтобы я вышла на улицу и доложила потом, что я видела и кого встретила. Я наблюдала, чем занимаются другие люди, болтала с незнакомцами – это вселило в меня любознательность. Когда мне было девять лет, она посадила меня одну на поезд Брюссель – Париж, чтобы я съездила в гости к ее сестре, моей любимой тете Матильде. Я очень гордилась тем, что была сама за себя в ответе. Думаю, что в глубине души я немного нервничала, но я бы никогда в этом не призналась, и гордость победила страх.

Мне до сих пор нравится путешествовать в одиночку, и порой я отдаю предпочтение таким поездкам. Даже по работе мне не нравится ездить с сопровождением, потому что это ограничивает мою свободу и мешает наслаждаться непредсказуемостью. Я люблю приключения и это чувство радостной взволнованности и удовольствия, которые я испытывала, будучи маленькой девочкой. Когда я отправляюсь в путь одна и стою в аэропорту с чемоданом, паспортом, кредитками, телефоном и фотоаппаратом, меня распирает от счастья и чувства свободы. Я благодарна своей маме за то, что она всегда подталкивала меня к «пути».

Независимость. Свобода. Самостоятельность. Это те ценности, которые она во что бы то ни стало хотела привить мне,

причем у нее это выходило так непринужденно и естественно, что я никогда не противилась этому и не подвергала ее слова сомнению. Мне не оставалось ничего другого, кроме как научиться самой отвечать за себя. Я любила и уважала ее и вместе с тем немного побаивалась и не хотела расстраивать. Теперь я понимаю, что таким образом она пыталась справиться с отчаянием и печальным опытом из своего прошлого, превращая их в силу и позитивный настрой, – это было ее подарком для меня. Временами он становился тяжелой ношей, но я никогда не ставила его под сомнение, хотя иногда и думала: «Вот бы родиться в другой семье».

К счастью, она несколько смягчилась по отношению ко мне, когда мне исполнилось шесть лет и родился мой младший братик Филипп. Я обожала его. К моему удивлению, даже с учетом того, что я никогда не играла в куклы, во мне проснулся материнский инстинкт, и по сей день я думаю о брате как о своем первенце. Как и полагается старшей сестре, я играла с ним и иногда любила поиздеваться над ним, но, подобно своей матери, я учила его всему, что знала, и оберегала его как могла. Когда мы разыгрывали сцену «у врача», я просила его пописать в маленькую бутылочку, а потом смеялась над ним, когда он и правда это делал. А еще, стащив у родителей их брошюры о путешествиях, мы играли в туристическое агентство – планировали и бронировали воображаемые поездки по всему миру.

Филипп говорит, что он осознал, что я люблю его, в день,

когда я перевела для него все слова песни «Битлз», будучи в школе-пансионе в Англии, и отправила их ему. Тогда не было ни компьютеров, ни интернета, ни «Айтюнс», только обожающая его любящая сестра с бумагой и ручкой, вслушивающаяся в слова песни, чтобы перевести их. Мы и сейчас невероятно близки, и он по-прежнему остался моим маленьким братиком, на которого я все время пытаюсь произвести впечатление и которого люблю поддразнить. Филипп стал успешным предпринимателем в Брюсселе, у него две потрясающие дочери – Сара и Келли – и жена Грета, которая открыла и сейчас возглавляет бельгийский офис DVF. Мы с Филиппом болтаем по телефону каждые выходные, и я звоню ему, когда скучаю по родителям.

Мне кажется, с ним мама не была и вполнину так строга, как она была по отношению ко мне. Как ни крути, он был мальчиком, а к мальчикам у нас в семье отношение более мягкое и менее требовательное. Я же была сродни ей – дочь, которая, без сомнений, справится со всем, что бы ни выпало на ее долю. Чем старше я становилась, тем лучше начала понимать это. Независимость и свобода были для нее самым главным, потому что она потеряла и то и другое. Умение рассчитывать только на себя – это то, благодаря чему она осталась в живых.

Моей маме было двадцать лет и они с отцом были помолвлены, когда 17 мая 1944 года ее арестовали нацистские

эсэсовцы за работу в бельгийском движении Сопротивления. Она жила на конспиративной квартире, и в ее обязанности входило ездить по Брюсселю на велосипеде и развозить поддельные документы нуждающимся в них людям. Сразу же после ареста ее бросили в забитый людьми грузовик и вместе с остальными подозреваемыми в саботаже отвезли в тюрьму города Малин в регионе Фландрия, в 25 километрах от Брюсселя. Чтобы избежать пыток, целью которых было получение информации о других участниках движения, она сказала, что ничего не знает и пряталась, потому что была еврейкой. Женщина, которая допрашивала ее, советовала ей не говорить, что она еврейка. Она ее не послушала, после чего ее определили в транспортный эшелон номер 25, который выехал из Малина 19 мая 1944 года и отправился в Аушвиц, где ей присвоили порядковый номер 5199.

Моя мать часто рассказывала историю о том, как она написала записку своим родителям на клочке бумаги и выбросила ее из грузовика на улицу. Она не имела ни малейшего представления о том, подобрал ли ее кто-то и была ли она доставлена по адресу, но надеялась на это. Уже после маминей смерти я узнала, что ее послание было доставлено. Мой двоюродный брат Сальватор, который жил в мамином доме на острове Харбор на Багамах, передал мне толстый конверт с семейными фотографиями, среди которых был запечатанный конверт с надписью «Лили, 1944». В нем был клочок бумаги с выцветшими буквами, написанными от руки. Я вгля-

дывалась в них до тех пор, пока не смогла наконец различить слова:

Дорогие мама и папа!

Я пишу вам, чтобы сообщить, что ваша малышка Лили уезжает. Куда, она не знает, но Бог есть повсюду, не правда ли? Так что она никогда не будет одна или несчастна.

Будьте храбрыми и помните, что вы должны быть здоровы и полны сил к моей свадьбе. Большие, чем когда-либо, я надеюсь, что она будет замечательной.

Знайте, что я уезжаю с улыбкой на лице, уверяю вас в этом. Я очень-очень сильно люблю вас и скоро расцелую вас пицце прежнего.

Ваша доченька

Лили

Я не могла дышать. Неужели я держу в руках ту самую записку, которую мама написала своим родителям, находясь в том грузовике, используя обгоревшую спичку вместо карандаша? На обратной стороне она молила того, кто найдет записку, доставить ее по родительскому адресу. Кто-то нашел ее и доставил родителям, а моя тетя Джульетта, мама Сальватора, хранила ее в запечатанном конверте все эти годы!

Я не могла прийти в себя. Я только отчасти поверила в ее историю о записке. Все те рассказы о ее аресте и депортации просто не укладывались у меня в голове и больше походили на сюжет фильма, и все же они были правдой. Она всегда говорила мне, что переживала за своих родителей больше,

чем за себя саму. В своих дрожащих руках я держала подтверждение этого.

Словно в тумане, я вышла из дома и направилась к пляжу, зашла в прозрачную голубую воду. «Это объясняет, кто я такая, – произнесла я вслух самой себе. – Я – дочь женщины, которая отправлялась в концлагерь с улыбкой на лице».

Изречения, которые она столько раз повторяла мне в детстве и которые иногда вызывали у меня раздражение, вдруг зазвучали иначе. Одно из ее любимых звучало так: «Ты никогда не можешь знать наверняка, что пойдет тебе на пользу. То, что кажется самым ужасным, что только может произойти, на самом деле может оказаться самым лучшим». Говоря это, она часто приводила в пример историю о бесчеловечных условиях, с которыми она столкнулась в поезде на пути и по прибытии в Аушвиц.

Без еды. Без воды. Без воздуха. Без туалета. Четыре дня в битком набитом вагоне для скота. «Женщина постарше», которой было около сорока лет и которая немного говорила по-немецки, успокаивала маму и дарила ей ощущение защищенности. Моя мать делала все, чтобы оставаться с ней рядом, особенно когда они прибыли в Аушвиц и их выгрузили на перрон. Женщин с детьми тут же отделили от остальных и отправили к длинным низким зданиям, в то время как других заставили встать в длинную очередь. В начале очереди стоял солдат, разделявший узников на две группы. Сверху за происходящим наблюдал офицер в белой форме.

Когда дошла очередь до той женщины постарше, ее направили в группу, что была слева, и моя мать быстро последовала за ней. Солдат ее не остановил, а вот офицер в белом, до тех пор не вмешивавшийся, направился к моей матери, вырвал ее из рук подруги и швырнул в группу справа. Моя мама всегда говорила, что никогда больше не испытывала такой лютой ненависти, как тогда по отношению к тому человеку.

Позже она выяснила, что тем человеком был доктор Йозеф Менгеле, получивший прозвище Ангел Смерти за то, что убил и искалечил бесчисленное количество узников в ходе медицинских опытов, особенно детей и близнецов. Зачем ему понадобилось ее спасать? Возможно, она напомнила ему кого-то, кого он любил? Неизвестно, каковы были его намерения, но факт остается фактом: он спас ей жизнь. Группу людей, в которую определили ту женщину, отправили напрямую в газовую камеру, а группу, куда бросили мою мать, — нет.

Я всегда рассказываю эту историю, когда хочу кого-то утешить, точно так же, как моя мать повторяла мне вновь и вновь: никто не знает, может, то, что кажется самым худшим, вдруг окажется самым лучшим.

После этого она поставила себе цель выжить, чего бы ей это ни стоило. Даже когда от доносившегося из крематория запаха, который было ни с чем не спутать, становилось невыносимо и узники говорили: «Мы все умрем», моя мать на-

стаивала на своем: «Нет, мы не умрем. Мы выживем». Страх — это не выход.

Почти миллион евреев были убиты в Аушвице, многие в газовой камере. Других расстреляли или насмерть замучили во время экспериментов доктора Менгеле, кто-то умер от голода, кто-то — от изнурительного рабского труда. Моей матери повезло, если кого-то можно было считать везунчиком в той невообразимо жестокой обстановке. Она отработывала двенадцатичасовые ночные смены на ближайшем оружейном заводе, производя патроны. Пока она работала, от нее была польза и ее держали в живых. Она была миниатюрная, едва ли полтора метра ростом, и худощавая от природы. До этого у нее не было привычки объедаться, и поэтому она чудом смогла выжить на микроскопических порциях хлеба и водянистого супа, которыми кормили ее и остальных узников. По словам мамы, более крупные люди, резко лишенные привычных объемов пищи, были первыми обречены на голодную смерть.

Если мне вдруг лень заниматься работой по дому, если я сомневаюсь, выходить ли на улицу, когда холодно, или жалею на то, что приходится стоять в очереди, я вспоминаю свою мать. Я представляю, как ее и еще 60 тысяч человек вывели из Аушвица зимой 1945 года, всего за девять дней до того, как советские войска добрались до лагеря. Эсэсовцы поспешно расстреляли тысячи узников, а остальных заставили идти пять километров пешком по снегу к железно-

дорожному депо, где их запихнули в товарные вагоны и отправили на север, в Равенсбрюк, а там снова заставили идти — к своим новым лагерям, в мамином случае это был Нойштадт-Глеве в Германии. Около 15 тысяч заключенных умерли во время этого марша смерти — кто-то скончался от обморожения, истощения, болезней, другие были застрелены эсэсовцами за то, что падали или отставали. По невероятному стечению обстоятельств, которое нельзя назвать иначе как чудом, моя мать выжила. Она оказалась в числе 1244 выживших из 25 631 отправленного в лагерь еврея бельгийского происхождения. В ответ на испытанные ею мучения она проявила мужество и волю к жизни во имя своего будущего. Когда через несколько месяцев Нойштадт-Глеве был освобожден сначала русскими, а затем американцами, вес моей мамы едва-едва был больше веса ее костей.

Ее положили в больницу на территории американской базы, не надеясь, что она выживет. У нее не было шансов, и все же она снова бросила вызов судьбе. Когда ее состояние стало достаточно стабильным, чтобы вернуться домой в Бельгию, как и всех оставшихся в живых, возвращающихся в родные страны, ее попросили заполнить анкету. Я нашла ее. В ней надо было указать имя, дату рождения и ответить на вопрос, «в каком состоянии» она возвращается после тринадцати месяцев, проведенных в неволе. Ее ответ меня ошеломил. Идеальным почерком она написала «en tres bonne sante», что означает «полностью здорова».

Мой отец Леон Халфин был совсем другим. Когда мама была строга и несколько сдержанна, он был спокоен и ласков. Не было ничего, в чем бы я могла провиниться перед ним, и он любил меня безусловной любовью. В детстве я была привязана к нему сильнее, чем к своей требовательной матери, хотя, возможно, и уважала ее несколько больше. Когда посреди ночи мне надо было в туалет, я звала своего отца, что всегда смешило его.

– Почему ты зовешь меня, а не свою маму? – спрашивал он.

А я отвечала:

– Потому что не хочу ее беспокоить.

Отец никогда не ругал меня. Он просто обожал меня, а я обожала его. Я была так же ласкова по отношению к нему, как и он ко мне. Мне нравилось сидеть у него на коленях, покрывать его поцелуями и выпивать весь его лимонный чай, который он заваривал себе после ужина. Для моего отца я была самым прекрасным созданием на свете, и я считала, что имею полное право на его привязанность и беззаветную любовь.

Мы с отцом были похожи внешне, и у обоих был неиссякаемый запас энергии. Он любил американские автомобили

и, когда мне было девять или десять лет, часто катал меня на своем красивом сине-голубом – очень популярное в пятидесятых цветовое сочетание – кабриолете американского производства «Шевроле Импала». В то время ремни безопасности еще не были распространены, так что я забиралась на переднее сиденье и усаживалась, поджав под себя колени, думая, что так я буду выглядеть взрослее. Я всегда стремилась казаться старше своего возраста. Быть не маленькой девочкой, а женщиной – изысканной, шикарной, значимой.

Мой отец, сам того не осознавая, подогревал это желание. Когда перед сном он шел пожелать мне спокойной ночи и поцеловать меня в лоб, моя мама часто его предостерегала: «Будь осторожен, не разбуди ее чувства». Отец считал это мамино предупреждение невероятно забавным. Как он, мужчина, мог разбудить чувства у ребенка? Тем не менее, оглядываясь назад, я понимаю, что, каким бы смешным это ему ни казалось, именно так и было – он пробуждал во мне чувства. Благодаря отцу я чувствовала себя женщиной, и вообще-то это было мудро с маминой стороны – предостерегать его.

В тех чувствах не было ничего сексуального. Скорее они были связаны с пониманием того, что он мужчина, и поэтому наши отношения отличались от тех, что были у меня с мамой. Как же мне повезло, что первый мужчина в моей жизни любил меня слепο, открыто, не осуждая! Мне не надо было «зарабатывать» его любовь, угождать, добиваться его одоб-

рения. Это оказало важное влияние на мою жизнь, и хоть тогда я этого еще не знала, теперь я понимаю, что это существенно облегчило мой опыт отношений с мужчинами. Я обязана своему отцу тем, как легко я всегда ощущаю себя с мужчинами, и я ему очень благодарна за это. Он подарил мне уверенность в себе.

Эта первая любовь и привязанность задали тон тому, что, как я полагаю, ко мне испытывают мужчины. Я принимаю их чувства как данность – я не жду их и не стремлюсь к ним. Самый большой подарок, который сделал мне отец, – это то, что я не нуждаюсь ни в чьей любви. Я получила ее от него столько, что мне просто не надо было больше. Честно говоря, иногда я даже отстранялась от него, потому что мне было неловко от того, как он проявлял свои чувства ко мне в присутствии других людей.

Мой отец был успешным предпринимателем и занимался продажей радиоламп и полупроводников фирмы General Electric. Дела у него шли хорошо, так что жили мы, ни в чем себе не отказывая.

Мои родители были потрясающей парой. Мой отец был очень красив, у него были высокие скулы и озорная улыбка. У мамы – изящная фигура и очень красивые ноги. Она очень хорошо одевалась, и в ней всегда было много шарма. Она была главой семьи, и я всегда считала ее самой умной среди нас. При всей моей любви к отцу за советом я отправлялась именно к матери.

Она не была типичной домохозяйкой – на кухне я ее видела изредка и только по воскресеньям, когда у прислуги был выходной. Она готовила изумительно вкусную запеченную курицу с хрустящим картофелем, а на десерт папа приносил выпечку. Мой любимый шоколадный фондан назывался Merveillux – с безе, шоколадом и взбитыми сливками. Все-таки мы жили в Бельгии, стране шоколада. На самом деле большинство маминых обязанностей по дому сводилось к тому, чтобы давать указания другим, но у нее это очень хорошо получалось. Наша квартира была красиво обставлена, в ней было полно антиквариата, который она коллекционировала. Я хорошо помню, как она искала и наконец нашла люстру в стиле ампир, которую так хотела заполучить. Сейчас она освещает мой бутик в Лондоне в районе Мейфэйр.

С тех пор как умерла моя мама, а отец шестью годами ранее, я ищу зацепки в их жизни – ключи к разгадке того, что их сформировало и почему я такая, какая я есть. Эти поиски привели меня в Восточную Европу, в город Кишинев, прежде – столицу Бессарабии, теперь – столицу Молдавии, где в 1912 году родился мой отец, и в греческий город Салоники, где в 1922 году родилась моя мать.

Семьи обоих моих родителей занимались тканями. Мой дедушка по папе, богатый русский торговец, среди родственников которого было много интеллигенции и людей искусства – один из них, Льюис Майлстоун, был режиссером удостоенного в 1930 году премией «Оскар» фильма «На Запад-

ном фронте без перемен», владел несколькими магазинами тканей в Кишиневе. Отец моей мамы, Мойше Нахмиас, сефард (еврей с испанскими корнями), перевез свою семью из Салоников в Брюссель, когда моей маме было семь лет, и управлял большим универмагом под названием La Maison Doree, которым владел брат его жены, Саймон Хэйм. Сестра моей бабушки по маме, моя двоюродная бабушка Лине, была замужем за состоятельным Саймоном Хэймом и сподвигла свою сестру тоже перебраться в Брюссель вместе со своей семьей. Таким образом, хоть я никогда раньше и не прослеживала эту цепочку, получается, что бизнес в сфере моды и торговли был наследием обеих сторон моей семьи.

Я не смогла отыскать в детстве матери ничего, что могло бы наделить ее той невообразимой стойкостью, необходимой, чтобы выжить в лагерях смерти. Насколько мне было известно, ранний период ее жизни в Брюсселе прошел вполне благополучно и без всяких перипетий, пожалуй, ее даже баловали, как младшую из трех сестер в семье. Единственным испытанием для нее и двух ее старших сестер, которые ходили в итальянскую школу в Греции, стала необходимость свободно владеть французским языком, когда они переехали в Брюссель, чтобы успевать в школе. Мои бабушка и дедушка по маме, которые дома говорили на ладино, языке евреев-сефардов, поменяли даты рождения сестер, когда семья приехала в Брюссель, сделав их на два года моложе, чтобы у тех было больше времени на адаптацию и изучение фран-

цузского для хорошей успеваемости в школе. Моя мама поступила в лицей Дэшбек, ту же школу, в которую спустя годы пошла я, и у нас даже была одна и та же воспитательница детского сада и одна и та же директриса, мадемуазель Жилетт. Я только недавно узнала, что она допустила маму до выпускных экзаменов, несмотря на расовые законы времен нацистской оккупации. Возможно, именно поэтому она выбрала меня, чтобы задуть свечи на торте во время семьдесят пятой годовщины школы в 1952 году, – я была дочерью выпускницы, которая прошла через лагеря смерти и выжила.

Мой отец приехал в Брюссель спустя два года после переезда в Бельгию маминой семьи. Ему было 17 лет, и он собирался пойти по стопам своего брата и учиться на инженера-текстильщика, когда в 1929 году в Кишиневе все пошло не по плану. Бизнес моего дедушки разорился, и это в буквальном смысле убило его, так что у моей бабушки больше не было возможности отправлять деньги моему будущему отцу. Он бросил учебу, хотя я не уверена, что он когда-то официально числился в бельгийской школе, и стал зарабатывать сам, соглашаясь на любую работу, какую только мог найти. Он не планировал возвращаться домой и, будучи молодым симпатичным парнем, наслаждался свободой, хотя жизнь беженца не всегда была легкой.

Моих родителей свела вместе война. В 1940 году, когда Германия захватила и оккупировала Бельгию, многие бежали на юг – это называлось L'Exode (исход). Тысячи машин за-

полонили дороги в попытке бегства от оккупации. Мой отец со своим лучшим другом Фимой поехали на юг, во Францию, и временно поселились в маленьком отеле в Тулузе. Они были очень молоды и красивы, и, несмотря на военное время и серьезность ситуации, во время пути они много смеялись и развлекались со множеством женщин. Моя мать тоже приехала в Тулузу со своей тетей Лин и дядей Саймоном. Их поездка была прямо-таки царской – на «Кадиллаке» с водителем.

У Фимы были деньги, а вот у отца – нет. Он терпеть не мог зависеть от друга, так что каждое утро садился на велосипед и объезжал округу в поисках работы по объявлениям, но куда бы он ни приехал, место уже было кем-то занято.

– Попробуй еще заехать на железнодорожную станцию, – посоветовал один из тех, к кому отцу не удалось устроиться на работу.

Там он встретил человека по имени Жан – тот и запустил цепочку событий, которая в итоге привела к встрече моих родителей.

– Один мой знакомый возвращается в Бельгию, и ему надо поменять очень крупную сумму долларов, потому что в Бельгию нельзя ввозить иностранную валюту, – сказал ему Жан. – Не знаешь никого, кому нужны доллары? Он поменял их по курсу 34 французских франка за доллар и готов продать за 33.

Разумеется, мой отец не знал никого, кому были бы нуж-

ны доллары, так что он не обратил на это особого внимания. Несколько дней спустя, совершенно случайно, он познакомился с неким Морисом, у которого был друг, готовый купить доллары по курсу 76 франков.

Мой отец не мог поверить своим ушам. Он не ослышался? У Жана был продавец по курсу 33, а у Мориса – покупатель по курсу 76. На разнице можно было отлично заработать. Проблема заключалась в том, что отец понятия не имел, как найти Жана. Не зная ни его фамилии, ни адреса, он мотался по Тулузе на велосипеде три дня и три ночи, пытаясь его найти. На четвертый день отец пошел в кино-театр и, когда выходил из него, понял, что оставил внутри свою газету, вернулся за ней – и наткнулся на Жана! У него ушло несколько дней на то, чтобы уладить все сложности и проверить сделку, потому что сумма была очень большой и отцу надо было доказать, что он сможет доставить деньги. Чтобы доказать, что ему можно доверять, сначала он занял небольшую сумму у Фимы и использовал ее для тестового обмена, а через пару дней поменял оставшиеся деньги. Еще вчера у него не было ни гроша, а сегодня он стал по-настоящему богат. В своем дневнике отец писал, что ему было так стыдно за свой поношенный костюм во время сделки, что в день ее заключения он купил три костюма, шесть рубашек и две пары обуви. На этом удача от него не отвернулась. По воле судьбы покупателем долларов оказался дядя моей мамы, Саймон. Так мои родители и встретились.

Это не было любовью с первого взгляда. Леону Халфину было 29, на десять лет больше, чем моей матери, и ему нравилось крутить романы. Но Лили была еврейкой, и он знал, что с еврейскими девушками не обжимаются — на них жёнятся.

До них дошли известия о том, что дела в оккупированной немцами Бельгии идут не так уж плохо, и в октябре 1941 года родители по отдельности вернулись в Бельгию. Из-за расовых законов моя мать не могла поступить в университет, поэтому она пошла в школу моды, изучала женские головные уборы и училась делать шляпы. Мой отец, у которого теперь были деньги, не вернулся в Tungsram, фирму по продаже электроники, где работал до этого, а стал независимым предпринимателем в области радиодеталей в Брюсселе. Они виделись, когда вместе собирались старшие родственники и друзья семьи, но мой отец всегда относился к маме как к ребёнку, задирал ее и щипал за щеки. Между ними не было никаких романтических отношений, хотя было ясно, что они нравятся друг другу. Леон не знал, что мама втайне была по уши в него влюблена.

Реальная опасность наступила летом 1942 года, когда эсэсовцы стали устраивать облавы на евреев и депортировать их. Люси, близкая подруга отца и его бывшая коллега из Tungsram, посоветовала ему бежать из Бельгии в Швейцарию. Он купил поддельные документы у бельгийской подпольной организации и начал планировать побег под вы-

мышленным, типично бельгийским именем Леон Десмед. Он поехал не в одиночку: Люси договорилась с Гастоном Бюйном, девятнадцатилетним юношей-христианином, чтобы тот сопровождал его на пути через Францию до швейцарской границы. По непредсказуемому стечению обстоятельств к ним также присоединилась Рене, девятнадцатилетняя девушка, с которой мой отец только что познакомился. Она была бельгийской католичкой, которая влюбилась в отца и хотела бежать вместе с ним. Ее мать недавно умерла, и ей не нравилась женщина, с которой связался ее отец. Такова была невероятная троица, которая вместе двинулась в путь 6 августа 1942 года.

Поездка на поезде в Нанси, где они должны были пересест на другой поезд, в Белфорт, была очень рискованной. Гастон, настоящий бельгиец с подлинными документами, проносил на себе деньги Леона – купюры были в подмышках, золотые монеты в носках и ботинках, швейцарские деньги – в сумке с туалетными принадлежностями. Гастон намного больше походил на еврея, нежели Леон, поэтому для отвода глаз он подходил идеально. Было множество проверочных пунктов, на которых эсэсовцы наугад отбирали пассажиров мужского пола и командовали им спустить штаны, чтобы проверить, было ли им сделано обрезание. Гастону приказали опустить штаны. «Извините», – сказал ему эсэсовец и даже не взглянул на отца, сидевшего с ним рядом.

Ночью они добрались до Нанси и заселились в отель. На

следующий день в 5:15 утра они сели в поезд до Белфорта, и по дороге туда им устроили еще одну проверку прямо в вагоне. Молодой эсэсовец хотел, чтобы и Гастон, и Леон спустили штаны. В этот раз их спасла Рене, которая стала кокетливо улыбаться молодому солдату, пока он не перешел к другим пассажирам.

В Белфорте было еще опаснее. Множество евреев-беженцев заселились в один и тот же отель, но моего отца спасли его поддельные документы. Ночью немцы устроили облаву в отеле и арестовали всех евреев, кроме Леона Десмеда. (В дневнике отца записано, что он занялся любовью с Рене дважды той ночью.) Позже они узнали, что все, кого арестовали той ночью, были убиты.

На следующее утро, подъехав к швейцарской границе, Леон и Рене расстались с Гастоном. Они сели в автобус до Эримонкура, где Леон нанял местного жителя, чтобы тот провел их через горы и пастбища до Швейцарии, которая была всего в шести километрах оттуда. Этот последний отрезок пути стоил ему полторы тысячи франков, при этом никаких гарантий на успех не давалось. Когда они встретились в пять утра с проводником, к ним присоединились еще несколько беженцев, среди которых была женщина с маленьким ребенком. Она дала ему снотворное, чтобы тот не плакал, и они отправились к границе через альпийские горы. «Бегите, бегите, бегите в том направлении», – проводник указал им дорогу, и дальше они отправились в одиночку. Я помню, отец

рассказывал, что побег удался благодаря коровам и их звонким колокольчикам. Следуя за звуком колокольчиков, Леон и Рене прибыли в город Дамван на швейцарской границе 8 августа 1942 года.

На границе полицейские спросили у отца, почему он везет с собой столько денег. Он сказал им, что владеет промышленным предприятием в Бельгии, но они не поверили его рассказу.

– У вас поддельные документы, – сказали полицейские и конфисковали его деньги, но впустили в Швейцарию. – Можете забрать их, когда будете уезжать.

Моему отцу очень везло. Несмотря на то что он оставался под надзором швейцарских властей, у него не было возможности свободно перемещаться, получить доступ к своим деньгам без сложных бюрократических формальностей, он провел там несколько вполне благополучных лет. Отец расстался с Рене, которая сбежала с полицейским вскоре после их приезда, и заскучал по Лили, жизнерадостной малышке, которую он оставил в Бельгии. Брюссельская оккупация стала намного жестче, и он беспокоился за нее. Лили и ее родителям пришлось выселиться из своей квартиры и жить раздельно. Она скрывалась в укрытии движения Сопротивления, на которое работала. Моя тетя Джульетта отправила своего сына, моего двоюродного брата Сальватора, жить с его няней-бельгийкой, которая была христианкой.

Однажды любопытная Лили отправилась в квартиру, где

их семья жила раньше, и обнаружила, что эсэсовцы перевернули все вверх дном и украли все их вещи. А еще она нашла кое-что, что изменило ее жизнь. В почтовом ящике было письмо – неожиданное послание из Швейцарии от Леона, мужчины, которого она встретила в Тулузе и с тех пор не могла забыть. Она читала и перечитывала его много раз и наконец ответила. Это положило начало их ежедневной переписке, которая должна была быть искусно и аккуратно составлена, чтобы пройти цензуру, о наличии которой свидетельствовала широкая голубая полоска поперек почтовой бумаги. Мне посчастливилось заполучить эти письма, которые со временем становились все более личными и страстными. Они писали о своей любви и о том, как они снова встретятся после войны, поженятся, построят жизнь вместе, заведут семью и будут счастливы до конца своих дней. В них было столько любви и надежды!

Затем внезапно Лили перестала писать. (Я помню, как отец рассказывал, что именно тогда у него в спальне упало и разбилось зеркало, к которому он прикрепил скотчем мамину фотографию.)

Он писал ей снова и снова, тщетно умоляя ответить ему. Пятнадцатого июля, спустя два месяца после маминого ареста, он получил письмо от Джульетты, старшей сестры моей мамы, с зашифрованным, чтобы пройти через цензоров, посланием.

«Дорогой Леон, – писала она, – у меня для тебя очень пло-

хие новости. Лили попала в больницу».

В 1945 году, когда моя мать вернулась из Германии, мой отец все еще был в Швейцарии. К тому времени, как он спустя четыре месяца вернулся в Брюссель, она уже поправилась, набрав почти весь тот вес, что потеряла, но она больше не была той наивной, озорной, пылкой и любящей повеселиться девушкой, с которой он переписывался и на которой собирался жениться. Та девушка исчезла навсегда. Перед ним была новая молодая женщина, пережившая настоящие ужасы, с ранами, которые не заживут никогда.

В своем дневнике отец написал об их воссоединении с предельной честностью. Он признался, что еле узнал девушку, с которой не виделся больше двух лет. Она изменилась и казалась ему незнакомкой. Лили почувствовала его неловкость и сказала, что он не обязан на ней жениться. Он заверил ее в своей любви, скрыв терзавшие его сомнения. Они поженились 29 ноября 1945 года.

Врач предупредил их: «Обязательно подождите пару лет, прежде чем заводить ребенка. Лили слишком слаба для рождения детей, и ребенок может родиться больным». Шесть месяцев спустя они случайно зачали меня. Помня предостережение врача, и мать и отец были встревожены. Они думали, что смогут избавиться от беременности благодаря долгим поездкам на мотоцикле по мощенным булыжниками улицам, но это не сработало. Наконец однажды утром отец принес домой таблетки, чтобы вызвать выкидыш. Моя мать выки-

нула их в окно.

Я родилась в Брюсселе в канун Нового года, 31 декабря 1946-го, здоровая и крепкая – настоящее чудо. Из-за той цены, что моя мать заплатила за это чудо, у меня никогда даже мысли не возникало, что я имею право сомневаться в ее решениях, жаловаться или усложнять ей жизнь. Я всегда была послушной взрослой девочкой и почему-то всегда считала, что защищать ее было моей обязанностью. В своем дневнике папа признается, что был разочарован, что у него родился не мальчик, но спустя несколько дней полностью принял меня и вновь влюбился в мою мать.

Я давно начала подозревать, что, если бы я не появилась на свет, моя мать могла бы покончить с собой. Во всяком случае, мое существование подарило ей цель и вескую причину продолжать жить. Несмотря на всю стойкость и решительность своего характера, она была невероятно хрупкой. Ей удавалось хорошо скрывать это, и на людях она всегда искрилась легкостью и весельем. Но когда она оставалась одна, ее часто накрывала волна неудержимой грусти. Иногда днем, когда я возвращалась домой из школы, я могла обнаружить ее сидящей в своей темной спальне в слезах. Бывало и так, что, когда она забирала меня из школы, мы шли в кондитерскую или за покупками в антикварный магазин, мы смеялись, и в ее поведении не было ни намека на мучившие ее болезненные воспоминания.

Прошедшие через лагеря люди не хотели об этом говорить, а те, кто там не был, не желали слышать о них, поэтому мне часто казалось, что она чувствует себя то ли иностранкой, то ли существом с другой планеты. Когда она рассказывала мне о том времени, то сосредотачивалась только на хорошем – дружбе, смехе, желании вернуться домой, и на том, как она мечтала о тарелке спагетти. Когда я спрашивала у нее, как она справлялась, она отшучивалась: «Представь, что идет дождь, а ты бежишь, пытаясь не попасть под капли». Она всегда говорила мне, что нужно верить в хорошее в людях. Она хотела меня защитить, но я понимала, что она таким способом пытается защитить и саму себя... Она отрицала зло... всегда отрицала зло и настаивала на торжестве добра, и никогда, что бы ни происходило, не делала из себя жертву.

Она делала все возможное, чтобы оставить войну в прошлом. Она свела две татуировки с номерами. И в качестве прекрасного жеста неповиновения, а также чтобы стереть воспоминания о чудовищном холоде, который она вынесла, на деньги, полученные от немецкого правительства по реституции, она купила очень дорогую, теплую шубу из соболя.

В детстве я много времени проводила одна, читая и воображая великолепную жизнь, что ждет меня впереди. У меня было хорошее детство, хотя жизнь в Брюсселе часто бывала серой и скучной. Я любила свою просторную школу,

я любила свои книги и была прилежной ученицей. Я любила своего брата и подруг – Мирей Датри и Мириам Виттамер, чьи родители были владельцами лучшей кондитерской в Брюсселе. Выходные наша семья проводила за городом, на вилле моих двоюродных прабабушки и прадедушки. У них был очень красивый дом на окраине большого леса Соань. Я любила бродить по лесу и собирать каштаны зимой, а летом – ягоды. Мой отец играл в карты с мужчинами, а мама с остальными женщинами перемывала кому-то косточки. Мы много и вкусно ели. Длинными серыми днями я погружалась в чтение Стендаля, Мопассана, Золя, а когда хотелось чего-то полегче – читала свои любимые «Приключения Тинтина», комиксы про храброго парнишку-репортера авторства бельгийского художника-мультипликатора Эрже. Я будто сама проживала все путешествия и подвиги Тинтина. Неужели я когда-то и сама побываю во всех этих экзотических уголках планеты? Казалось, ничто не сможет мне помешать.

Когда у меня выдавалась пара свободных от школы дней, а у родителей не было возможности никуда поехать, я часто ездила в гости к своей тете Матильде в Париж. Она владела шикарным бутиком неподалеку от улицы Фобур-Сент-Оноре, у которого было много постоянных клиентов из разных стран. Она продавала кашемировые свитера с принтами и платья и костюмы из джерси. Я проводила в магазине дни напролет. Моей задачей было складывать свитера и относить их обратно на место. Так я впервые окунулась в мир моды,

продаж и открыла для себя скрытые достоинства джерси.

В Париже я навещала своих двоюродных сестер Элиан и Надю Нейман, двух дочерей богатого кузена отца Абрахама, который изобрел противоугонную сигнализацию для автомобилей. Девушки в совершенстве владели русским языком, давали фортепианные концерты и были очень утонченными натурами. На их фоне я ощущала себя провинциалкой, и мне было ужасно неловко, когда я бывала у них на чаепитии или обеде на их вилле в Нейи. Во время летних каникул мы с братом ездили в летний лагерь неподалеку от Монтре в Швейцарских Альпах или на курорт на Северном море в бельгийском Ле-Кок-сюр-Мер. А еще вместе с родителями, тетями и дядями мы ездили на юг Франции или в швейцарские горы.

Мои родители были красивой парой и очень друг друга любили, но отцу следовало быть более чутким и нежным по отношению к маме. Он не хотел признавать, что у нее были душевные раны, и потому делал вид, будто их нет. Он был работящим и щедрым, но он также мог быть равнодушным и иногда грубо с ней разговаривал. Не думаю, что у него были какие-то серьезные любовные отношения на стороне, пока он находился в браке с мамой. Он часто бывал в деловых поездках, и я уверена, что он не всегда проводил ночи в одиночестве, но это не создавало проблем между родителями. Его нечуткость – вот что заставляло ее чувствовать себя уязвимой. Это и послужило причиной того, что произошло даль-

ше. А дальше появился мужчина по имени Ханс Мюллер.

В тот день, когда я вернулась из школы, на столе в прихожей лежало письмо, адресованное маме. По какой-то причине, до сих пор не поддающейся моему объяснению, я открыла голубой конверт, в котором было письмо, написанное четким почерком. Оно было от Ханса Мюллера, который, как я поняла по ходу чтения, был другом моей мамы. Я не знала, кто такой Ханс, и даже не помню, что было написано в письме, но я помню, что мое сердце забилось чаще. Я почувствовала, что случилось что-то очень серьезное, что-то, что изменит течение нашей жизни, и этим чем-то был Ханс. Зная, что поступила плохо, я аккуратно вложила письмо обратно в конверт и оставила его лежать на столе, но повреждения были налицо. Мама пришла домой, увидела конверт, и я призналась, что открыла его. Я никогда не видела ее такой расстроенной и злой. Несмотря на то что мне тогда было всего двенадцать, она не смогла сдержать ярость и дала мне увесистую пощечину. Я была в отчаянии, мне было больно и стыдно. И что на меня нашло, когда я решила открыть это письмо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.